

Алебардой по шлему

Что общего у музыки с настоящей войной

Russia 2005. 6-12 окт. - с. 19

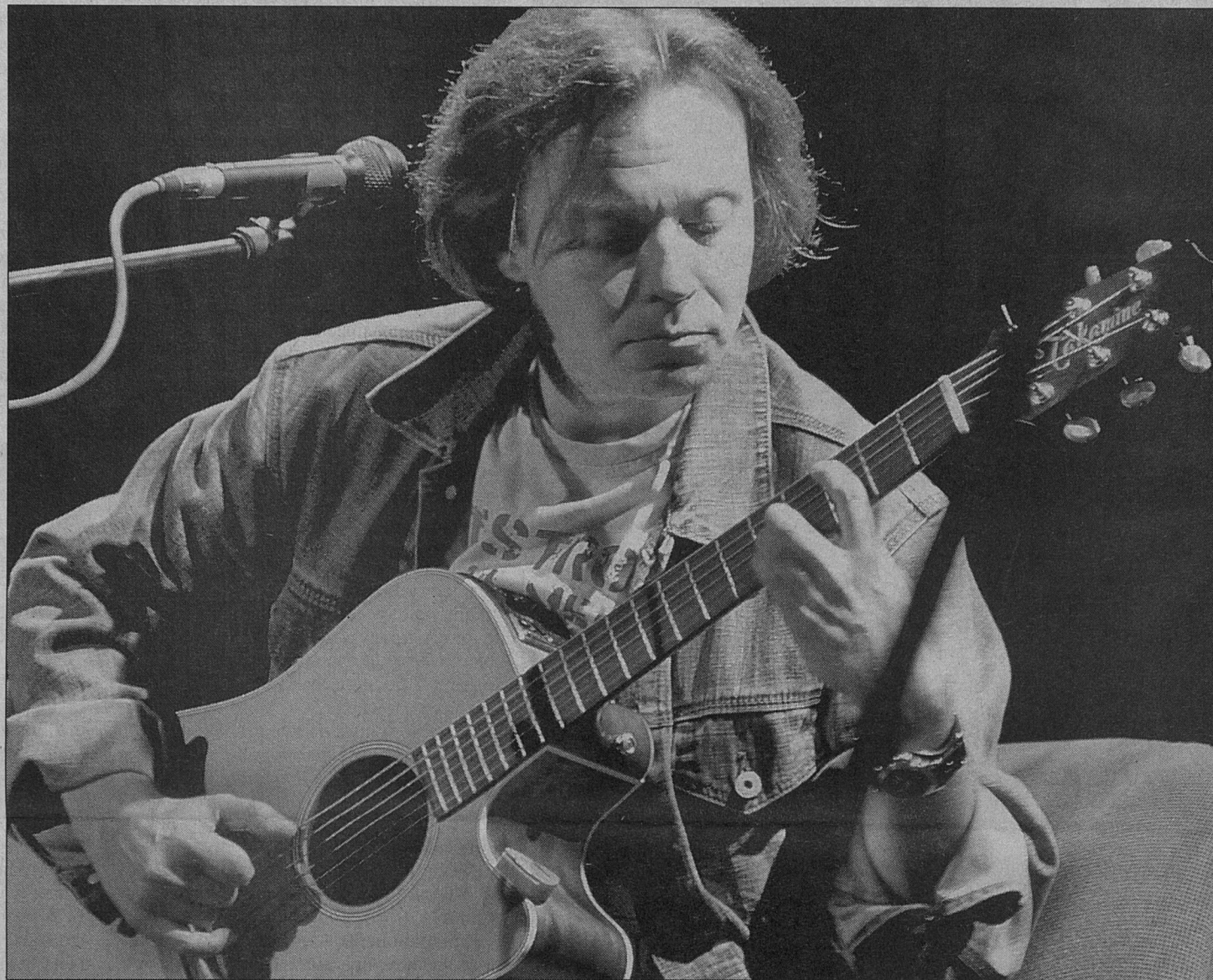
Беседовал
Владимир
Преображенский,
фото автора

С шоу-бизнесом мы, кажется, уже хорошо знакомы, представляем, что это такое. Ничего хорошего (шутка с большой долей истины). Но чем очевиднее становится, что совсем истребить этого монстра невозможно, а быть может, и не нужно, не всем же интересоваться серьезным искусством, для кого-то предел мечтаний — попрыгать под «умца-умца», тем любопытнее узнавать, как живут другие люди. Те, которые талантом не обделены, но и не включены по разным причинам в раскруточную гонку.

Такой замысел сразу заставил вспомнить Сергея Калугина — гитариста и поэта, возникшего на музыкальном поле в 1993 году с альбомом *Nigredo*, где он не только пел баллады, по текстам напоминавшие нечто среднее между эпосом, философским трактатом и сочинениями средневековых мистиков, но и читал классические сонеты, тоже собственного сочинения. Легко догадаться, что такая гремучая смесь обеспечила Калугину статус персонажа культового и легендарного. Причем его одинаково уважали и хиппи, и скинхеды, и ортодоксальные православные, и доморощенные последователи восточных учений, и рафинированные ценители музыки барокко, и бородастые, патлатые «металлисты».

Потом был длительный переходный период, однако в конце 90-х наметились качественные изменения. Калугин объединился с уже существовавшим арт-роковым коллективом «Артель», чтобы явить миру новый проект: классическая музыка, этника и прогрессив-рок — и все это под парадоксальным названием «Оргия праведников». Недавно группа выпустила второй альбом — «Двери! Двери!». И автор этих строк, пользуясь нашим давним знакомством, направился прямо к Сергею Калугину в гости, чтобы лишний раз приобщиться к тайне героического существования некоммерческой рок-группы в условиях отечественного рынка музыкальной индустрии.

— Сергей, со стороны «Оргия праведников» напоминает некий рыцарский орден, который занимает по отношению к окружающему миру оборонительно-воинствующую позицию. Так ли это?

Кто вам сказал, что это проще, чем махать мечом?

— По крайней мере, это близко к тому, как мы эту ситуацию видим изнутри. Нормы доступа в этот орден — четко не оформленные, но реальные — действительно существуют. Существует нигде не прописанный устав ордена, никак не оформленное посвящение в орден. И, в принципе, изначально слово «орден» возникло в наших разговорах. Это относится не только к членам группы. Доступ, в принципе, открыт. Примыкают к этому кругу наши ближайшие друзья и соратники, причем сами они зачастую являются участниками подобных же братских орденов.

— Каковы идейные позиции этого условного ордена?

— Я буду говорить достаточно истоптанные за последние десять лет слова, но в центре нашего мировоззрения стоит традиция. Мы вкладываем в это слово не новомодное толкование, а скорее то, которое можно встретить в книгах издания Академии наук СССР. Современный мир существует по извращенным, на наш взгляд, правилам, причем извращенным настолько, что если ты пыта-

ешься действовать по иным законам, то получается, что весь мир идет в ногу, а ты — нет. Мы имеем достаточно нахальства, чтобы это признать: мы идем в ногу, весь мир — нет. Для нас важно, прежде всего, честное отношение к своему делу. Это база для традиционного уклада. И искус-

ство является в таком случае религиозной практикой. Причем это не обязательно искусство в привычном понимании. Можно на гитаре играть, а можно и табуретки делать. Известные мастера, особенно исламской или китайской традиции, демонстрируют нам такое отношение к делу:

вспомните персидские ковры или китайскую каллиграфию. В нормальном традиционном обществе все было таким. Отсюда наш девиз: «Свобода в служении». Главный принцип — не врать. И самое интересное, что достаточно просто-напросто начать действовать по этому прави-

ду, и ты по факту уже оказываешься в таком разрыве с установками современного мира, что волей-неволей твой орден будет превращаться в военно-монашеский. Впрочем, есть реально существующий рыцарский орден, с которым мы соприкасаемся, — «Железный орел». Это реконструкторы-«железники», которые действительно в наше время живут по кодексу XIV века. Они восстанавливают доспехи и потом в них рубятся абсолютно всерьез. Без какого-то ни было пафоса, театра, постановочных трюков и т.д. И мы даже устраивали концерты, во время которых рыцари рубились.

— Каковы впечатления?

— Посмотрев на эти действия, я понял, как в действительности проводились средневековые сражения. Они ничего общего не имеют с тем, как Ричард Гир картинно размахивает мечом, скрещивает его с мечом противника и полчаса так стоит, крича. Обычно эти битвы занимают несколько секунд. Они сошлись — шорох, звон — и все лежат, а один стоит и качается. Это серьезная, настоящая война. Я представляю, что такое удар шестнадцатикилограммовой алебардой по шлему, когда твоя голова внутри находится...

— Поговорим о более мирных делах. Как некоммерческой группе удается выживать в нынешних условиях, когда востребовано лишь то, что приносит реальные деньги?

— Раз мы существуем, значит, как-то удается. Я в основном зарабатываю деньги сольными концертами. У меня были ученики, сейчас остался один. Уроки музыки... в принципе, делать я это умею, но очень не люблю. Многие музыканты группы вынуждены зарабатывать деньги в сферах, не связанных с музыкой. Наш гитарист, допустим, очень хорошо умеет тонировать автомобильные стекла и терпеть этого не может. Но он вынужден подрабатывать такого рода вещами.

— А как ты относишься к таким бурно обсуждаемым сегодня темам, как мировая глобализация и антиглобализм?

— Я больше всего переживаю за то, что связано с культурой. Самое печальное здесь — это стирание национальной, культурной идентичности огромного числа народов. Это не может не огорчать. Но в целом, применительно к глобализации, проблема ведь не в коммуникационных технологиях, связывающих мир едиными нитями, а в том, ради чего они используются. И у меня есть определенная надежда на то, что глобализация выстроит дороги, а ездить по ним будем мы. Пусть строят!

Наша справка

К увлечению реконструкцией старинного оружия наши современники часто приходят через увлечение музыкой — барочной, например, или кельтской. Литература фэнтези тоже вносит свой вклад. Почему Средневековые и его атрибуты так притягательны? Просто романтика? Тоска по настоящей доблести?

...Рыцари, эльфы и менестрели по Интернету назначают место встречи «у волшебного замка» в Подмоскovie, напоминая о необходимости к дамам относиться учтиво, а к товарищам уважительно. А потом, разехавшись по родным пенатам и разбегавшись по офисам, по «аське» делятся впечатлениями: «...как гвозди забивал кого-то, аж пыль из людей вылетала! — Они об мою спину сломали двуручный топор, черти жестокие!!! — ...в общем, оттурились». Тем временем наследники Робин Гуда, витая в Сети, выясняют: «Как сделать лук из лыжи?» Или: «Как изготовить зажигательные стрелы? — Привяжи к стреле петарду... останешься жив, расскажешь. В партизаны собрался? — Да что вы, у нас просто идея чучело на Масленицу стрелой поджечь!»

Среди их мотивов психологи отмечают жажду необычных приключений, желание выделиться из толпы, поиск спасения от одиночества. Причин может быть много, и какая из них главная, разобраться порой способен только хороший психоаналитик. Хотя есть мнение, что именно наше время с его гуманизмом и психоанализом провоцирует острую тоску по эпохам, которые, возможно, были не столь гуманны, зато — проще и в чем-то честнее.

«Я признаюсь, что, несмотря на отсутствие розовых очков, я люблю это время, — говорит о Средневековье писатель Ник Перумов. — Оно очень жестокое, но это жестокость природы. И то время куда более свободное, как ни странно. Мир не знал ни паспортов, ни виз, и смелый человек с мечом в руке мог добиться многого. История знает немало примеров «из грязи — в князи». Повседневная жизнь тогда была полна тягот и, в общем, коротка, человек оставался один на один с недугами, однако за повышение комфорта человечество заплатило, как мне кажется, непомерную цену».